

*Е. Ю. Глазова*  
*Университет Эмори*  
*(Атланта, США)*  
*eglazov@emory.edu*

## **ЯЗЫК ИСТОРИИ И ГОЛОС ПРИРОДЫ: ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ «ДОКТОР ЖИВАГО»**

По мнению Веденяпина, философа в романе «Доктор Живаго», современный человек живет не в природе, а в истории. В подобных высказываниях Николая Николаевича часто видят выражение мыслей его автора, но Пастернак явно избегает каких-либо ограничений данной бинарной оппозиции. Не пытаюсь решить вопрос, могут ли описания природы играть организующую роль в сюжетах исторических романов, нельзя не обратить внимание на то, что в «Докторе Живаго» природные явления принимают заметное участие в происходящем, хотя сам характер их роли остается довольно таинственным.

Это ощутимо прежде всего в описании «мелюзеевского лета» 1917 года. В отличие от событий Октябрьской революции, случившихся в полугодовой, возбужденной Москве, революционное опьянение, охватившее летом 1917 года провинциальный городок Мелюзеево, представлено как бы рожденным из пейзажа, причем пейзажа подчеркнуто деревенского. Сам городок, как нам сказано в первой строке этой части романа, «стоит на черноземе» [Пастернак 2003, 4: 130], и вечерние стихийные митинги на главной площади происходят ежедневно. В начале мелюзеевских событий эти вечерние сходки изображены как переплетение многообразных явлений природы, способных в своей разнонаправленной энергии вызвать отклики в самых далеких частях света. Мотив всепронизывающего зова природы проявляется даже в несколько комическом регистре, когда из-за жалобного мычания коровы к ней «протягивались нити невидимого сочувствия, словно то были скотные дворы других миров» [Там же: 140].

Противопоставление городского (или, скорее всего, столичного) и деревенского образа жизни, а также исторических процессов и природных явлений, придает повествованию подчеркнутую многозначительность, часто озадачивающую читателя. Так, весь незабываемый летний период, последовавший за Февральской революцией 1917 года, изображен как полифония запахов растений и множества звуков, рассылаемых по всем краям света порывами ветра. Крайне важно, например, что, слушая речи комиссара Гинца, героического юноши из Петрограда, Юрий с нескрываемым раздражением размышляет о желании уйти от «бездарно-возвышенного, беспросветного человеческого словоговора в кажущееся безмолвие природы» [Там же: 138]. Более того, трагическая смерть Гинца, олицетворяющая обреченность надежд, связанных с Февралем 17-го года, напрямую связана с конфликтом, прослеживаемым по всей сюжетной линии романа, – между менталитетом жителей столиц и провинциальной аграрной

России. Городское понимание революционных событий, характерное для Гинца, противопоставлено здесь не только психологии обитателей провинциального городка, но и событиям в Зыбушино – поселении, окруженном дремучими лесами и ставшем «источником легенд и преувеличений» [Там же: 133].

Наиболее загадочно описан конец этого лета, когда, несмотря на всю историческую важность происходящего, Пастернак сосредоточивается на деталях, как будто бы не имеющих прямого отношения не только к историческим событиям, но и к сюжету самого романа. Этот прием не случаен: Пастернак неукоснительно следует ему, причем с настойчивостью, требующей дальнейшего анализа. Необычен, например, в своей излишней детализации портрет некоего телеграфиста Коли Фроленко, больше ни разу не появляющегося в романе. Но одним из наиболее запоминающихся эпизодов революционного лета становится описание грозы и порывов ветра, разбудивших Юрия Живаго и мадемуазель Флери. Этот эпизод, происходящий вскоре после смерти Гинца, несомненно лиричен, но кажется излишне затянутым, поскольку подробно воспроизводит все стадии грозы, ее удалений и возвращений, движения облаков, а также словно человеческого, часто повторяющегося стука в дверь. Это описание как бы затмевает собой все важнейшие исторические события и, безусловно, озадачивает как литературоведов, так и неискушенных читателей.

Данное исследование предлагает новый подход к подобным неровностям и непостижимости стиливых приемов автора. Нестандартность или даже необъяснимость авторских решений всегда привлекала Пастернака, особенно если за ней скрывалось новое творческое видение. В одном из писем 1950 года к Р. Микадзе, когда работа над романом шла особенно интенсивно, Пастернак объясняет свое отношение к искусству следующим образом: «Так, в природе и человеческом мире волнует то значительное, чему не нашли еще имени и слова и что ждет еще своего определения. Именно этим ожиданием оно и волнует, как заданная и еще не разрешенная загадка и как повисший в воздухе и ожидающий исполнения сигнал» [Пастернак 2003, 9: 626].

Цель доклада – подойти к противопоставлению описаний природы и исторических событий в романе как к задаче, требующей объяснения и самого тщательного анализа. Разбирая метафоричность повествования «мелюзеевского лета», мы намереваемся показать необычность видения исторических событий, столь характерную для Пастернака, подчеркивая несомненную смелость его стилистических находок.

## Литература

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 томах. М.: Слово, 2003.